

Глава 1

Какая неловкость, непростительная неловкость! Он громко чихнул, и брызги полетели во все стороны. Ужасно — прямо в лицо соседке по купе. Три четверти часа он сдерживался изо всех сил, сражаясь со щекоткой в носу, точно доблестные воины Генриха Тюдора в битве при Босворте. Но в конце концов он капитулировал. Мало того что чихнул — он еще принялся громко шмыгать носом.

Женщина грозно уставилась на провинившегося. Как раз из тех леди, в присутствии которых он всегда чувствовал себя законченным идиотом. Ростом не менее шести футов, одетая с поразительной безвкусицей, характерной для дам из «общества», не знающая возраста, не поддающаяся старости, она пристально смотрела на него голубыми, острыми как лезвие бритвы глазами. Лет сорок назад горничные, сраженные таким взглядом, принимались, верно, отчаянно рыдать. Сейчас этой леди уже далеко за шестьдесят, а может быть, и все восемьдесят — по ней не поймешь. Сидит, будто аршин проглотила, сложив руки на коленях. Так ее выучили когда-то в пансионе, и с тех пор она не сдает позиции — никаких уступок даже во имя собственного комфорта.

И смотрит, смотрит. Оглядела строгую полоску ткани у шеи — воротничок католического священника — и уставилась на каплю, свисающую с кончика его носа.

«Ах, простите, дорогая. Тысяча извинений. Не допустим, чтобы этот незначительный промах — подумаешь, человек чихнул — разрушил столь прелестную дружбу, как наша с вами».

Да уж, про себя он может острить сколько угодно. Вот когда он говорит вслух, ему, как правило, удается все безнадежно запутать.

Священник снова шмыгнул, и леди вновь с осуждением покосилась на него. Господи, с чего ей вздумалось путешествовать вторым классом? Она вплыла в вагон в Донкастере, похожая на престарелую Саломею, окутанная не семью, а семижды семью покрывалами, и всю дорогу то пила неароматный, чуть теплый кофе, который разносили в поезде, то пристально и неодобрительно глядела на попутчика. Верная прихожанка англиканской церкви, в этом можно не сомневаться.

И наконец он чихнул. Он вел себя столь безупречно от Донкастера и почти до самого Лондона, что, кажется, она уже готова была простить ему служение католической церкви. Но, увы, насморк покрыл его вечным позором.

— Я... э-э... вы уж простите... — начал было он, но что толку!

Платок застрял где-то глубоко в кармане. Чтобы добраться до него, пришлось бы на минутку выпустить из рук потертый портфель, который лежал у него на коленях, а на это священник отважиться никак не мог. Пусть уж дама потерпит. «Речь идет не о нарушении этикета, мадам. Речь идет об УБИЙСТВЕ». Обретя опору в этой мысли, священник решительно зашмыгал носом.

Услышав недопустимые в порядочном обществе звуки, леди села еще ровнее, напряженно выпрямив спину, каждой мышцей своего старого тела выражая протест и презрение. Негодующий взгляд отражал все ее мысли:

«Жалкий человечиска. Ничтожество. Ему семьдесят пять лет, а выглядит он на все восемьдесят пять. И чего еще ждать от католического священника! На лице три пореза — до сих пор бриться не научился, в уголке рта присохла крошка от съеденного на завтрак гренка, черный костюм залоснился от старости, залатан на локтях и на манжетах, фетровая шляпа покрыта пылью. А этот мерзкий портфель у него на коленях! С самого Донкастера он ведет себя так, словно я села в поезд исключительно с намерением выхватить у него этот портфель и выпрыгнуть с ним из окна. Господи боже ты мой!»

Вздыхнув, женщина отвернулась от священника, словно в поисках отдыха и покоя. Но где уж там! Он продолжал сопеть и отфыркиваться, покуда поезд не замедлил движение. Вот они и достигли цели своего путешествия.

Поднявшись, леди пронзила своего попутчика последним, прощальным взглядом.

— Наконец-то я узнала, как выглядит ваше католическое чистилище! — прошипела она и направилась по коридору к выходу.

— О господи, — забормотал отец Харт, — о господи, я и в самом деле должен, наверное...

Но она уже скрылась из виду. Поезд остановился под сводом лондонского вокзала. Пришла пора совершить то, ради чего он предпринял поездку в столицу.

Священник огляделся, проверяя, не растерял ли он своего имущества. Особой причины беспокоиться у него вроде бы не было — весь багаж, прихваченный им с собой из Йоркшира, состоял из старого портфеля, который он ни на минуту не выпускал из рук. Харт искоса поглядел в окно, привыкая к распаханному пространству Кингс-Кросса, так не похожего на вокзал Виктория, знакомый ему с юности. Там уютные старые кирпичные стены, киоски, уличные музыканты. Где-то поблизости и отделение

лондонской полиции. А Кингс-Кросс оказался совсем другим, абсолютно другим: огромные площади покрытого плиткой пола, с потолка свисают заманчивые рекламные плакаты, тут же продаются газеты, сигареты, гамбургеры. А сколько людей — он в жизни столько не видел. Выстраиваются в очередь за билетами, поспешно заглывают пищу, вприпрыжку догоняя свой поезд, спорят на ходу, смеются, целуются на прощание. Всех рас, всех оттенков кожи. Как все изменилось! Сможет ли он выдержать подобный шум, подобную суету?

— Вы выходите, отче, или собираетесь заночевать?

Отец Харт, вздрогнув, поднял взгляд, но увидел над собой лишь круглое лицо проводника, который утром, когда поезд отправлялся из Йорка, помог ему найти свое место. Приятное лицо уроженца северных графств. Холодный ветер, гулявший над северными болотами, отпечатался на его лице сеточкой испещривших кожу кровеносных сосудов.

Ярко-голубые глаза проводника смотрели внимательно и живо. Этот взгляд подействовал на отца Харта словно прикосновение: приветливо, но пристально взгляд проводника скользнул по лицу священника и опустился на бережно хранимый им портфель. Покрепче сжав пальцы на ручке портфеля, отец Харт выпрямился, ожидая прилива сил и бодрости, но вместо этого ощутил лишь мучительную судорогу в левой ноге. Он застонал. Боль становилась все пронзительнее.

— Наверное, вам не стоило отправляться в путь одному, — встревоженно обратился к нему проводник. — Вам нужна помощь, сэр?

Конечно, ему нужна помощь, еще как нужна. Но разве кто-нибудь может ему помочь? Да и сам он не в силах ничего сделать.

— Нет-нет. Сейчас я сойду. Одну минуточку. Большое вам спасибо, вы были так добры. Помогли мне найти купе. Помните, я вначале было запутался.

Проводник весело отмахнулся:

— Пустяки. Знаете, сколько народу не может разобратъ, что там написано у них в билете? Невелика беда, верно?

— Да, конечно. Надеюсь, что так.

Отец Харт резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Пройти по вагону, выйти сквозь эту дверь, найти вход в метро. Это вовсе не так трудно, не стоит заранее отчаиваться. Пошатываясь, он двинулся к выходу. Обеими руками он прижимал к животу портфель, и каждый раз, когда он с трудом делал шаг, эта ноша наносила ему довольно-таки чувствительный удар.

За спиной послышался голос проводника:

— Отец, эта дверь малость туговата. Дайте-ка я вам помогу.

Он подвинулся, пропуская проводника в тамбур. Двое мрачноватых уборщиков уже забрались в вагон через заднюю дверь. Собирают мусор в переброшенные через плечо мешки, готовят поезд к обратному рейсу в Йорк. На вид пакистанцы, и хоть и говорят между собой по-английски, но с таким чудовищным акцентом, что отец Харт не разбирает ни единого слова.

И тут он ощутил настоящий ужас. Что он делает в этом громадном городе, населенном по большей части иноземцами — темноликими, глядящими на него отчужденными, враждебными очами? Неужели он и впрямь надеялся совершить здесь задуманное им доброе дело? Какая опрометчивость! Да разве кто-нибудь поверит...

— Вам помочь, отец?

Наконец отец Харт решительно тронулся с места.

— Нет. Все в порядке. Вот именно. Все в порядке.

Он одолел ступеньки, ощутил под ногами бетонный перрон, услышал высоко над головой, под сводчатым потолком вокзала, переливчатое воркование голубей и наугад побрел по платформе в сторону выхода. Где-то там должна быть Истон-роуд.

Позади в последний раз послышался голос проводника:

— Вас кто-то встречает? Вы знаете, куда вам ехать? Куда вы сейчас собрались?

Священник распрямил плечи и помахал на прощание заботливому проводнику.

— В Скотленд-Ярд, — твердо заявил он.

Вокзал Сент-Панкрас, расположенный прямо напротив Кингс-Кросса, оказался его настоящим архитектурным антиподом. Отец Харт несколько минут простоял на месте, молча любуясь этим великолепным творением современной готики. Он не замечал грохота транспорта, пронесившегося по Истон-роуд, и зловония двух дизельных грузовиков, порывкивавших двигателями на обочине. Отец Харт всегда интересовался архитектурой, а это здание казалось ему одновременно и прекрасным видением, и бредом.

— Господи, вот чудеса, — бормотал он, наклоня голову несколько набок, чтобы охватить единым взглядом все шпили и башенки Сент-Панкраса. — Немного почистить, и выйдет настоящий дворец. — Он растерянно огляделся, словно в поисках сочувствующего, с которым можно было бы вступить в беседу и обсудить ущерб, нанесенный старинному зданию выхлопными газами и коптящими трубами каминов. — Хотел бы я знать...

По Каледониан-роуд промчалась, уныло и однообразно завывая, полицейская машина, с визгом вылетела на перекресток и свернула на Истон-роуд. Старый священ-

ник очнулся от грез, встряхнулся, отчасти сердясь на самого себя, но еще больше страхась того, что ему предстояло. Он становится все более рассеянным. Неужели это предвестие близкого конца? Харт сглотнул, с трудом проталкивая застрявший в горле комок страха, собираясь с силами. Взгляд упал на громадный заголовок вывешенной на стенде утренней газеты, и он, любопытствуя, направился к ней рассмотреть подробности. «Потрошитель наносит удар на Воксхолл-стейшн!»

Потрошитель! Он содрогнулся при виде этого слова, боязливо оглянулся и торопливо прочитал один абзац кровавой повести. Если он начнет вчитываться в нее чересчур пристально, кто-нибудь обратит на это внимание — любопытство к жутким подробностям отнюдь не пристало служителю церкви. Его взгляд выхватывал лишь отдельные страшные слова, не успевая связывать их во фразы: «Перерезал горло... полуобнаженный труп... артерии разорваны... жертвы — мужчины...»

Священник содрогнулся, непроизвольным жестом вскинул руку к горлу, ощупывая его, такое нежное, уязвимое. Воротничок священника не уберезет от ножа убийцы. Нож дорогу найдет. Погрузится в горло по самую рукоять.

Эта мысль потрясла его. На подгибающихся ногах Харт отошел от газетного стенда. О милость божия! Наконец-то он заметил вход в метро. До него каких-нибудь тридцать футов. Он вновь вспомнил, зачем приехал в столицу.

Нашував в кармане карту лондонского метро, Харт с минуту напряженно изучал сморщенную, покрытую складками глянцевую бумагу. «По кольцевой до Сент-Джеймс-парка, — сказал он себе. И повторил уже с большей уверенностью: — До Сент-Джеймс-парка, по кольцевой. До Сент-Джеймс-парка, по кольцевой». Он повторял и по-

вторял эти слова, твердил их, словно григорианский распев, спускаясь в такт им по лестнице метро. На волне этого ритма Харт добрался до окошечка кассы и не переставал твердить свое заклинание, входя в вагон и усаживаясь. Затем он отважился поднять глаза на других пассажиров, заметил двух немолодых дам, с откровенным любопытством наблюдавших за ним, и кивнул им.

— Так все сложно, — пояснил он, робкой улыбкой напрашиваясь на сочувствие. — Сразу и не разберешь.

— Говорю тебе, это может быть кто угодно, Пэмми, — с нажимом произнесла младшая из дам, обращаясь к своей спутнице. Она бросила на священника холодный, оценивающий взгляд. — Они как угодно переодеваются, я-то уж знаю.

Не сводя водянистых глаз с подозрительного священника, она вынудила свою морщинистую спутницу подняться на ноги, крепко ухватившись за поручень возле двери, и на ближайшей остановке с шумом увлекла ее прочь из вагона.

Отец Харт печально наблюдал это отступление. Их трудно упрекнуть, думал он. В самом деле, никому верить нельзя. Никому и ни за что. Он ведь тоже приехал в Лондон именно затем, чтобы объявить: то, что представляется очевидным, в действительности неправда. Это лишь видимость истины. Этот труп, скорчившаяся возле него девушка, окровавленный топор. Нет, это лишь видимость. Он обязан убедить их, и тогда... Господи, разве он справится с этой задачей?! «Надо верить, что Бог на моей стороне. Бог на моей стороне». Он изо всех сил цеплялся за эту мысль. «Я поступил правильно, я поступил правильно, я поступил правильно». Повторяя это заклинание вместо прежнего, он так и дошел до дверей Скотленд-Ярда с ним на устах.

— Проклятье, снова нам расхлебывать конфликт между Керриджем и Нисом! — сделал вывод суперинтендант Малькольм Уэбберли, раскуривая толстенную сигару.

Воздух в кабинете мгновенно наполнился зловонным дымом.

— Господи помилуй, Малькольм, открой хотя бы окно, если тебе непременно надо сосать эту гадость! — взмолился его собеседник.

Старший суперинтендант сэр Дэвид Хильер был начальником Малькольма, но шеф предпочитал не вмешиваться в дела подчиненных. Сам бы он в жизни не стал курить столь крепкий табак, да еще перед самой встречей со свидетелем, однако у Малькольма свои методы, и до сих пор эти методы вполне себя оправдывали. Поэтому Дэвид Хильер довольствовался тем, что отодвинул свой стул как можно дальше от источника ядовитого дыма и мрачно оглядел замусоренный кабинет.

Хотелось бы знать, как Малькольму удастся столь успешно распутывать дела при склонности существовать в подобном хаосе. Папки, фотографии, отчеты, книги — вся поверхность стола завалена ими. На полках шкафа — грязные чашки из-под кофе, набитые доверху окурками пепельницы и даже пара забытых старых кроссовок. Кажется, именно этого эффекта и добивался Уэбберли: комната выглядит да и пахнет как логово получившего самостоятельность старшекласника — грязноватая, прокуренная, но на редкость уютная. Не хватает разве что кровати с мягкими простынями. В такой комнате чувствуешь себя как дома: можно собрать компанию, посидеть, потолковать. Эта обстановка сближает мужчин, составляющих единую команду. Хитрец этот Малькольм, думал Хильер. С виду заурядный сутулый толстяк, но он куда умнее, чем кажется.

Уэбберли поднялся из-за стола и начал борьбу с оконной рамой, ворча, изо всех сил дергая шпингалет, пока ему не удалось в конце концов распахнуть окно.

— Извини, Дэвид. Вечно я забываю об этом. — Он снова уселся за стол, меланхолическим взором окинул царивший на нем беспорядок и произнес: — Честное слово, это уже последняя капля.

Одной рукой он пригладил поредевшие волосы, когда-то рыжие, а теперь почти совсем седые.

— Дома неприятности? — осторожно посочувствовал Хильер, упираясь взглядом в собственное золотое обручальное кольцо.

Трудная тема для обоих друзей, поскольку они с Уэбберли были женаты на сестрах. Даже в Ярде далеко не все догадывались об этом обстоятельстве, и сами мужчины крайне редко вспоминали о нем.

Бывают такие капризы судьбы, которые порождают между двумя друзьями дополнительные сложности, и оба предпочитают их не обсуждать. Карьера Хильера была столь же успешной, как и его брак, семейная жизнь сложилась не просто удачно, а на редкость счастливо. Его жена — само совершенство, надежнейшая опора, умный советчик, любящая мать, источник величайшего наслаждения в постели. Хильер признавал, что супруга сделалась центром и смыслом его существования, так что дети для него лишь приятное дополнение, но по сравнению с Лаурой их роль в его жизни ничтожна. Он засыпал и просыпался с мыслью о Лауре. Со всем, что радовало или тревожило, он первым делом обращался к ней, и жена с готовностью разделяла с ним любую жизненную задачу.

Для Уэбберли все сложилось по-другому. Его карьера брела себе потихоньку, не слишком блестящая, но вполне удовлетворительная. Расследования, мастерски проведенные Уэбберли, слишком редко достаивались заслу-

женной хвалы: у него словно бы отсутствовал некий социальный инстинкт, необходимый, чтобы добраться до самой вершины. А потому в отличие от Хильера ему не светил рыцарский титул, который мог бы вознаградить его профессиональные достижения, и именно это обстоятельство стало источником постоянного раздора между Уэбберли и его женой.

Фрэнсис Уэбберли не смогла пережить, что ее младшая сестра сделалась леди Хильер. Зависть грызла ее, превращая постепенно спокойную, застенчивую домашнюю хозяйку в энергичную, напористую даму с претензией на светскость. Она то и дело затевала обеды, приемы, вечеринки с коктейлями, неся непосильные расходы, приглашая людей, совершенно не интересных обоим супругам, но которые, как полагала Фрэнсис, могли способствовать продвижению ее мужа наверх. Все эти мероприятия чета Хильеров исправно посещала — Лаура из любви к сестре, с которой она, однако, давно уже не могла подружески общаться, а Хильер в надежде хоть как-то защитить Уэбберли от едких и жестоких замечаний его супруги, ибо Фрэнсис не стеснялась прилюдно высказывать свое мнение о неудавшейся карьере мужа. «Новая леди Макбет», — мысленно называл ее Хильер.

— Нет, дело не в этом, — ответил Уэбберли. — Беда в том, что я уж было понадеялся, что с этой распрей между Нисом и Керриджем покончено, а они снова сцепились — право же, это чересчур.

Как это характерно для Малькольма, вечно он переживает из-за других, из-за их недостатков и слабостей, подумал с сочувствием Хильер.

— Напомни, пожалуйста, в чем там было дело, — попросил он. — Какая-то история в Йоркшире, верно? В убийстве обвиняли цыган?

Уэбберли кивнул.

— Нис возглавляет отделение полиции в Ричмонде. — Он тяжело вздохнул и, забывшись, выпустил струю сигарного дыма не в окно, а в комнату. Хильер задержал дыхание, стараясь не раскашляться. Ослабив узел галстука, Уэбберли принялся рассеянно скручивать уголок белого воротника. — Три года назад там убили старую цыганку. Нис провел жесткое расследование. Его ребята работали тщательно, проверили все детали. Завершив дело, они арестовали зятя этой старухи. По всей вероятности, ссора у них вышла из-за гранатового ожерелья.

— Ожерелье было краденое?

Уэбберли покачал головой, стряхивая пепел в стоящую на его столе жестяную пепельницу. В воздух поднялось облачко пепла от выкуренных прежде сигар, белой пылью осело на бумагах и папках.

— Нет. Ожерелье они получили от Эдмунда Ханстон-Смита.

Хильер резко наклонился вперед:

— Ханстон-Смита?

— Ага, теперь ты припоминаешь? Но дальше дело повернулось так: жена того парня, которого обвиняли в убийстве старухи — его вроде бы звали Романив, — была красотка: хороша, как бывают одни только цыганки: двадцать пять лет, черные волосы, оливковая кожа, сплошная экзотика.

— Соблазнительно, особенно для такого человека, как Ханстон-Смит.

— Вот именно. Она убедила его, что Романив ни в чем не виноват. Ей понадобилось на это всего несколько недель, покуда Романив еще не предстал перед присяжными. Она уговорила Ханстон-Смита пересмотреть дело, она клялась, что они подвергаются преследованиям потому лишь, что в их жилах течет цыганская кровь, что

Романив провел с ней всю ночь, когда совершилось убийство.

— Полагаю, она была достаточно очаровательна, чтобы заставить поверить и в это.

Дернув уголком рта, Уэбберли пристроил окурок сигары на край пепельницы и сложил покрытые веснушками руки на животе, удачно прикрыв пятно на жилетке.

— Согласно показаниям лакея Ханстон-Смита, от милейшей миссис Романив даже человек шестидесяти двух лет от роду целую ночь напролет не мог оторваться. Как ты знаешь, Ханстон-Смит был богат и обладал немалым политическим весом. Он без труда смог вовлечь в эту историю полицию графства Йорк. Рейбен Керридж — он до сих пор остается главным констеблем Йоркшира, несмотря на все, что он натворил, — приказал пересмотреть расследованное Нисом дело. Хуже того — он отпустил Романива.

— Как реагировал на это Нис?

— Керридж как-никак его начальник. Что ему было делать? Он с ума сходил от злости, но пришлось выпустить Романива и начать дело заново.

— При этом на седьмом небе от счастья была жена Романива, но отнюдь не Ханстон-Смит, — прокомментировал Хильер.

— Разумеется, миссис Романив сочла своим долгом отблагодарить Ханстон-Смита тем самым способом, к которому он уже пристрастился. Она явилась к нему ночью на последнее свидание и не давала бедному старику уснуть до самого рассвета, насколько мне известно, а потом она открыла дверь Романиву. Как нынче любят говорить, свершилась кровавая драма. Парочка прикончила Ханстон-Смита, собрала все, что могла унести с собой, направилась напрямик в Скарборо и еще до утра покинула страну.

— А что Нис?

— Он требовал, чтобы Керридж подал в отставку. —

В этот момент послышался стук в дверь, но Уэбберли не обратил на него внимания. — Однако он ничего не добился. С тех самых пор Нис только поджидает удобного случая.

— И теперь они снова сцепились, как ты говоришь.

Вновь раздался стук, на этот раз более настойчивый. Уэбберли громко предложил войти, и в комнату ворвался Берти Эдвардс, главный патологоанатом. На ходу он оживленно беседовал с собственной записной книжкой и что-то торопливо царапал в ней под свою же диктовку. Эдвардс воспринимал записную книжку как живое существо, не хуже обычной секретарши.

— Сильный удар в правый висок, — жизнерадостно объявил он, — вызвавший разрыв сонной артерии. Удостоверения личности нет, денег нет, раздет до нижнего белья. Это снова Вокзальный Потрошитель.

Произнося эти слова, Эдвардс продолжал черкать в своей книжке.

— «Вокзальный Потрошитель»! Вам бы в журналисты податься, — проворчал Хильер, с отвращением глядя на весельчака.

— Речь идет о покойнике с вокзала Ватерлоо? — уточнил Уэбберли.

Судя по лицу Эдвардса, патологоанатом явно прикидывал, не ввязаться ли ему в дискуссию с Хильером — уж очень ему хотелось отстоять свое право давать серийным убийцам какое-нибудь прозвище; однако, поразмыслив, он отказался от этой идеи, утер пот со лба рукавом грязно-белого халата и обернулся к своему непосредственному начальнику.

— Ага, Ватерлоо. Это уже одиннадцатый, а мы еще с Воксхоллом не разобрались. Характерный почерк Потро-

шителя в обоих случаях. Бродяги. Ногти сломаны, сами грязные, волосы нестриженные, даже вши имеются. Пока только тот тип с вокзала Кингс-Кросс не вписывается в картину, и уж намучились мы с ним за последнюю неделю. Удостоверения нет, об исчезновении никто не заявлял. Не знаю, когда нам удастся установить его личность. — Почесав голову концом ручки, Эдвардс радушно предложил: — Хотите взглянуть на снимки с Ватерлоо? Я вам принес.

Уэбберли махнул рукой в сторону стены, на которой красовались изображения двенадцати жертв маньяка. Все они были убиты одним и тем же способом на вокзалах Лондона и на пригородных станциях. Вместе со случаем на вокзале Ватерлоо насчитывалось уже тринадцать убийств за пять недель. Газеты истошно голосили, требуя немедленного ареста Потрошителя, а Эдвардс, словно его это ничуть не касалось, насвистывал сквозь зубы песенку, разыскивая на захламленном столе Уэбберли булавку, чтобы прикрепить к стенду фотографии новой жертвы.

— Неплохо вышло. — Отступив на шаг, он полюбовался своей работой. — По кусочкам сшил беднягу.

— Господи! — не выдержал наконец Хильер. — Ты не человек, ты — гиена! Хоть бы свой грязный халат оставлял в лаборатории, когда поднимаешься к нам на этаж. У нас тут и женщины работают, знаешь ли!

Эдвардс скроил мину, долженствовавшую изобразить почтительное внимание к словам начальства, однако его проворные глазки иронически ощупали фигуру старшего суперинтенданта, задержавшись на мясистом загривке, выпиравшем из воротника, и на пышной шевелюре, которую Хильер подчас именовал своей гривой. Пожав плечами, патологоанатом подмигнул Уэбберли.

— Шеф у нас настоящий джентльмен, — проворчал он, выходя из кабинета.

— Черт бы его побрал! — рявкнул Хильер, когда за врачом захлопнулась дверь.

Уэбберли расхохотался.

— Глотни хереса, Дэвид, — посоветовал он. — Бар у тебя за спиной. Всем нам неохота торчать тут в субботу.

После двух рюмочек хереса Хильер уже не злился на патологоанатома. Присоединившись к Уэбберли, он печально созерцал фотографии, развешанные на стене кабинета.

— Поди разберись, — угрюмо бормотал он, — Виктория, Кингс-Кросс, Ватерлоо, Ливерпуль, Блэкфрайерс, Паддингтон. Черт его дери, хоть бы он алфавитный порядок соблюдал, что ли.

— Да, маньякам часто недостает аккуратности, — почувствовал Уэбберли.

— Имена пяти жертв до сих пор даже не установлены, — сокрушался Хильер.

— У всех украдены удостоверения личности, деньги и верхняя одежда. Если нет ничего подходящего в заявлениях об исчезнувших людях, приходится опознавать их по отпечаткам пальцев, а это, сам знаешь, быстро не делается. Мы стараемся как можем.

Хильер повернулся лицом к приятелю. Одно он знал точно: Малькольм всегда делает все, что в его силах, а когда настанет пора подсчитывать очки, он скромно отойдет в сторону.

— Извини. Я чересчур суетился?

— Есть малость.

— Как всегда. Так что там опять у Ниса с Керриджем? Из-за чего сыр-бор на этот раз?

Уэбберли бросил взгляд на часы.

— У них там в Йоркшире очередное убийство. Они снова не сошлись во мнениях и направили к нам гонца со всеми бумагами. Знаешь кого? Священника.

— Священника? Господи, это еще почему?

Уэбберли только плечами пожал.

— Видишь ли, это единственный человек, которому доверяют и Нис, и Керридж.

— Но какое он имеет отношение к делу?

— Похоже, это он первым наткнулся на труп.

Глава 2

Хильер отошел к окну. Послеполуденное солнце ударило ему в лицо, резко подчеркнув и морщины, красноречиво говорившие о многих бессонных ночах, и оплывшие розовые щеки, столь же красноречиво свидетельствовавшие об избытке жирной пищи и хорошей выпивки.

— Да уж, такого еще не бывало. Керридж что, совсем умом тронулся?

— Нис твердит об этом вот уже несколько лет.

— Но посылать к нам свидетеля, нашедшего тело, человека, не имеющего никакого отношения к полиции! О чем он только думает?

— И Нис, и Керридж уверены в его абсолютной честности. — Уэбберли снова нетерпеливо взглянул на часы. — Он скоро к нам явится. Поэтому-то я тебя и позвал.

— Выслушать рассказ священника? Да мне-то зачем его слушать?

Уэбберли медленно покачал головой. Теперь нельзя горячиться, чтобы не насторожить Хильера.

— Дело не в самой истории. У меня есть план.

— Я тебя слушаю.

Хильер отправился к бару за очередным глотком хереса. Выразительно махнул бутылкой в сторону Уэбберли, но тот только головой помотал. Вернувшись к своему крес-

лу, Хильер устроился поудобнее, закинув ногу на ногу, стараясь, однако, не смять острую как бритва стрелку на великолепных и весьма недешевых брюках.

— Итак? — поторопил он.

Уэбберли упорно смотрел на груды папок, скопившихся на его столе.

— Я бы хотел послать туда Линли, — пробормотал он.

Хильер иронически изогнул бровь.

— Линли против Ниса — матч-реванш? Тебе мало прежних неприятностей, Малькольм? К тому же у Линли на эти выходные отгул.

— Это мы уладим. — Уэбберли замялся, нерешительно поглядывая на Хильера. — Ты бы мог мне помочь, Дэвид, — вымолвил он наконец.

Хильер усмехнулся:

— Извини. Хотелось посмотреть, как ты попытаешься заступиться за нее.

— Чтоб тебя, — беззлобно ругнулся Уэбберли. — Ты же меня знаешь.

— Я знаю одно — ты чересчур добр, себе же во вред. Послушай, Малькольм, ты сам направил Хейверс в патрульные — пусть она там и остается.

Уэбберли вздрогнул и, чтобы скрыть смущение, притворился, будто пытается прихлопнуть назойливую муху.

— Меня совесть гложет.

— Ты не просто чертов дурень — ты еще и сентиментальный дурень. За все время своего пребывания в следственном отделе Барбара Хейверс не сумела сработаться ни с одним напарником. Восемь месяцев назад ты перевел ее в патрульные, и там она отлично справляется. Забудь о ней.

— Я не пробовал дать ей в напарники Линли.

— Ты бы еще принца Уэльского дал ей в напарники! В твои обязанности не входит перемещать сержантов с места на место, пока не подберешь им подходящую должность, чтобы они могли счастливо устроиться до самой старости. Твоя обязанность — обеспечить, чтоб дело двигалось, а если в это дело встрянет Хейверс, следствие никогда не кончится. И хватит об этом.

— Мне кажется, этот опыт кое-чему ее научил.

— Чему именно? Что наглость и бабье упрямство несколько не помогают делать карьеру?

Слова Хильера неуловимо переменяли тон беседы. Уэбберли готов был сдать.

— В том-то все и дело, верно? — пробормотал он.

Хильер почувствовал, как дрогнул голос приятеля. Он всегда близко к сердцу принимал поражения Малькольма. В этом и впрямь было все дело — в карьере. Господи, какой же он неуклюжий болван — сказать такое!

— Извини, Малькольм. — Хильер поспешно проглотил херес, стараясь не глядеть в глаза свояку. — Мое место должен был бы занимать ты. Мы оба знаем, что ты этого заслуживаешь.

— Глупости.

— Я подпишу вызов для Хейверс, — сказал Хильер.

Сержант полиции Барбара Хейверс захлопнула за собой дверь кабинета суперинтенданта, с гордо поднятой головой прошествовала мимо секретаря и направилась в коридор. Лицо ее побелело от ярости.

Как они посмели! Господи, как они посмели! Барбара столкнулась с кем-то из служащих — да так, что молодой человек выронил из рук целую стопку бумаг, но Барбара не остановилась помочь ему. Словно заведенная, продолжала свой путь. За кого они ее принимают? Или счита-

ют дурочкой, которая не в состоянии разгадать их замысел? Чтоб они все горели в аду! Чтоб они в аду горели!

Барбара сморгнула. Она не заплачет, ни за что не заплачет, она не позволит им довести себя до слез. Наконец из тумана перед ней выплыла дверь женского туалета. Барбара ринулась в это убежище. Там никого не было. Спокойно, прохладно. Почему в кабинете Уэбберли было так жарко? Или ей так показалось из-за душившей ее ярости? Барбара рванула узел галстука, распустила его, добралась до раковины, дрожащими пальцами повернула кран. Слишком сильно. Холодная вода мощной струей обрушилась на форменную юбку и белую блузку. Это доконало сержанта Хейверс. Поглядев на себя в зеркало, женщина разразилась слезами.

— Корова! — кричала она самой себе. — Тупая, уродливая корова!

Хейверс плакала очень редко, собственные слезы казались ей горячими и горькими, странно было ощущать их вкус во рту, странно было чувствовать, как они стекают по щекам, оставляя противные грязные ручейки на таком заурядном, таком неинтересном лице.

— Только посмотри на себя, Барбара! — продолжала она издеваться над собственным отражением. — Красотка, да и только.

Всхлипывая, Барбара отстранилась от раковины, уперлась пылающим лбом в холодный кафель стены.

Барбаре Хейверс исполнилось тридцать лет. От природы не слишком привлекательная, она и сама словно назло уродовала себя. Она могла бы уложить свои прекрасные, блестящие каштановые волосы в прическу, выигрышно обрамляющую лицо, но вместо этого Барбара стригла их коротко и грубо, открывая уши, и выглядело это как деревенская стрижка «под горшок». Косметикой сержант Хейверс не пользовалась. Густые — их не меша-

ло бы выщипать — брови нависали над маленькими глазками, скрывая сверкавший в них ум. Узкие губы, которых никогда не касалась помада, навеки сложились в сердитую гримасу. В общем, Барбара выглядела решительной, недоступной и напроочь лишенной женственности.

— Итак, они подсунули мне нашего чудо-мальчика! — фыркнула она. — Что же ты не пляшешь от радости, Барб? Восемь месяцев тянула ляжку, а теперь они отозвали тебя из патрульных и «предоставили еще один шанс». В паре с Линли! Я не стану! — яростно всхлипывала она. — Не стану! Не буду работать с этим самонадеянным фатом!

Оттолкнувшись от стены, Барбара проковыляла обратно к раковине. На этот раз она наливала холодную воду осторожно, склонилась над ней, умывая разгоряченное лицо, яростно стирая уличавшие ее следы слез.

— Я хочу предоставить вам еще один шанс поработать в следственном отделе, — сказал Уэбберли, поигрывая ножом для разрезания бумаги.

В этот миг Барбара заметила развешанные на стене фотографии жертв Потрошителя, и сердце ее радостно подпрыгнуло. «Выслеживать Потрошителя! Да, о господи, да, да! Когда приступить к работе? С Макферсоном или с кем-то еще?»

— Это странное убийство в Йоркшире, в нем замешана молодая женщина, — продолжал суперинтендант.

«Стало быть, речь идет не о Потрошителе. Неважно, главное — участвовать в следствии. Замешана девушка? Значит, я смогу помочь. Наверное, моим напарником будет Стюарт? Он часто выезжает в Йоркшир. Мы с ним непременно сработаемся!»

— Всю информацию мы получим примерно через час. Вам следует присутствовать при разговоре, если вы собираетесь заняться этим делом.

«Если я собираюсь им заняться! За три четверти часа я успею переодеться. Перекушу наскоро. Вернусь сюда. На последней электричке помчусь в Йорк. Интересно, мы с напарником поедем прямо отсюда? Машина нужна?»

— Боюсь, мне придется попросить вас предварительно заехать в Челси.

Воцарилось подозрительное молчание.

— В Челси, сэр?

Почему вдруг Челси? Какая связь?

— Да, — словно между делом пояснил Уэбберли, бросив нож на стол. — Вам предстоит работать вместе с инспектором Линли. К сожалению, нам придется вытащить его прямо со свадьбы Сент-Джеймса. Это в Челси. — Начальник быстро глянул на часы. — Венчание началось в одиннадцать, сейчас у них уже всюду идет веселье. Мы пытались вызвать его по телефону, но, похоже, там кто-то сбросил трубку с аппарата да так и оставил. — Уэбберли взгляделся в потрясенное лицо Барбары и нехотя спросил: — В чем дело, сержант?

— Инспектор Линли?!

Ей все стало ясно. Она знала, почему ее вызвали, почему именно она понадобилась на этот раз.

— Да, инспектор Линли. Вы что-то имеете против?

— Нет, я не против. — Запнувшись, она нехотя добавила: — Сэр.

Проницательные глазки Уэбберли оценивающе сощурились.

— Хорошо. Рад это слышать. Работа с Линли может многому вас научить. — Глазки все еще пристально следят за ней. — Постарайтесь вернуться как можно скорее.

Суперинтендант вновь погрузился в какие-то документы на своем столе. Барбара могла идти.

Посмотрев на себя в зеркало, сержант Хейверс принялась искать в кармане юбки расческу. Безжалостно разо-

драла острыми пластмассовыми зубцами спутавшиеся волосы, царапая кожу и радуясь этой боли. Линли! Ей было так ясно, так унизительно ясно, почему ее вдруг повысили из патрульных. Следствие они хотят поручить Линли, но напарником его должна быть женщина, а всем и каждому на Виктория-стрит известно, что ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности рядом с Линли. Он переспал со всеми возможными дамами — и не только в их отделе, путь его был усыпан разбитыми сердцами. У него была репутация жеребца-производителя, и, говорят, его выносливость вполне соответствовала этим слухам. Барбара сердито зачихала расческу обратно в карман.

Ну, каково тебе это — оказаться той единственной счастливицей, которая может не опасаться за свою честь даже в присутствии всех покоряющего Линли? Да уж, нашу Барб никто не станет щупать в машине. Никто не пригласит ее поужинать вдвоем и «сверить записи». Инспектор Линли не повезет ее в свое поместье в Корнуолл «подумать вместе над запутанным случаем». Тебе нечего бояться, Барбара! Всем известно, что работа с Линли тебе ничем не грозит. За пять лет службы в одном отделе она убедилась, что красавчик инспектор избегает даже называть ее по имени, не то что похотливо касаться ее. Можно подумать, учеба в государственной школе и акцент простолюдинки — это заразное заболевание, которое может передаваться Линли, если тот не сумеет тщательно избегать любых контактов с сержантом Хейверс.

Выйдя из уборной, Барбара побрела к лифту. В Скотленд-Ярде не было ни одного человека, к которому она испытывала бы такую ненависть, как к Линли. Этот человек словно по волшебству соединил в себе все то, что Барбара глубоко презирала: он учился в Итоне, был первым по истории в Оксфорде, выговаривал слова как поло-

жено выпускнику частной школы, а семейное древо уходило корнями в глубокую древность — чуть ли не к битве при Гастингсе. Светский человек. Блестящий ум. Очарователен — очарователен настолько, что все преступники Лондона готовы сами отдаться ему в руки, лишь бы душ-ка инспектор не расстраивался.

Она в жизни не поверит, будто он и впрямь работает в Скотленд-Ярде потому, что хочет сделать свой вклад, хочет приносить пользу. Курам на смех! Его послушать, так карьера в городской полиции привлекает Линли больше, чем роскошная жизнь в поместье. Подумать только!

Двери лифта растворились, Барбара яростно устремилась в гараж. А ведь эту карьеру ему на блюдечке поднесли — все устроено, все схвачено, все обеспечено, с такими-то родителями и такими деньгами. Он купил себе эту должность, просто купил, он еще сделается и шефом полиции. Графский титул, с которым они все столько носят, отнюдь не повредил его шансам на успех: за рекордно короткий срок Линли повысили в должности, и всем ясно, почему этот сержант так быстро стал инспектором.

Барбара направилась к своей машине, старенькой ржавой «мини», приткнувшейся в дальнем конце гаража. Хорошо быть богатым, титулованным, работать лишь ради забавы, возвращаться домой в особняк в Белгрейвии, а еще лучше — на уик-энд в Корнуолл, где тебя ждут дворецкие и горничные, повара и лакеи.

Подумай хорошенько, Барбара! Вообрази себя в подобном дворце! Как бы ты себя почувствовала? Сразу грохнулась бы в обморок или сперва тебя бы вырвало?

Швырнув сумку на заднее сиденье машины, Барбара с грохотом захлопнула дверь и включила зажигание. Колеса заскользили по бетонному полу. Добравшись до ворот